

Решения Бюро Всемирного Совета Мира

С 23 по 25 июня в Париже проходили заседания Бюро Всемирного Совета Мира. Члены Бюро заслушали доклад председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жюлио-Кюри о деятельности сторонников мира в борьбе за разоружение. В опубликованном после заседаний коммюнике говорится, что Бюро Всемирного Совета Мира считает необходимым вдумчивый пересмотр условий и методов борьбы за мир в свете ослабления международной напряженности. Бюро Всемирного Совета Мира решило произвести этот необходимый пересмотр своих методов для того, чтобы облегчить контакт со всеми другими организациями, выступающими за укрепление мира и за разоружение.

Бюро Всемирного Совета Мира опубликовало также заявление, в котором подчеркивается благоприятное влияние международной разрядки на отношения между народами и правительствами, но вместе с тем обращается внимание на продолжение конфликтов и опыты с атомным оружием.

Бюро Всемирного Совета Мира заявляет о своей готовности поддерживать постоянный контакт со всеми другими организациями, выступающими в защиту мира. В заключение Бюро призывает все миролюбивые силы совместно развернуть широкую кампанию, которая «поможет правительствам и ООН выйти из рамок заявлений о намерениях и достигнуть, наконец, соглашений, которых ожидают все народы».

МАТЕМ
ШЕСТЬЮ
ПЯТИЛЕТКИ

Что такое МСС?

В каждом районе обязательна есть машино-тракторная станция, в некоторых — машино-мелиоративная станция. Не удивительно, что такие сокращенные названия, как МТС и ММС, давно уже вошли в наш разговорный язык.

А вот что такое МСС?

Впервые мы услышали это название в колхозе имени Маленкова Киево-Святошинского района. Понтересовавшись, сколько трудодней заработали колхозники одной из brigad, мы за несколько минут получили у бухгалтера Артема Сидоровича Богданенко самые исчерпывающие сведения: количество трудодней, заработанных колхозниками за последний месяц и с начала года, объем проделанной ими работы и даже затраты трудодней по отдельным культурам. При виде этих аккуратных ведомостей мы подумали о том, какая внушительная бухгалтерия потребовалась колхозу.

И были очень удивлены, узнав, что во всех brigадах давно нет учетчиков, а весь штат колхозных счетных работников состоит из бухгалтера и старшего учетчика. Невидимый «ажур», который мог бы поразить любого приверженного ревизора, достигнут здесь благодаря МСС.

Расшифруем эти три буквы — машино-счетная станция. Она работает второй год при Киевской МТС и обслуживает 14 колхозов.

Кругло идет на подъем сельское хозяйство Украины. Все больше дает она стране производств земледелия и животноводства. Колхозы широко вводят ежемесячное авансированием, оплаченные отпуска, оплачены по временной нетрудоспособности, пенсии по старости. Трудно приходить колхозным бухгалтерам — работы по горло, не все спрашиваются с нею. Поэтому и родилась мысль о создании МСС.

Вот ее однотакое кирпичное здание. На дверях таблички: «Счетно-перфорационный цех», «Счетно-аналитический цех». Входим в цех и видим счетные машины, производящие сложные, многоступенчатые операции. Эта опытная машино-счетная станция механизирована всеми учетом в колхозах и МТС.

Бригады заносят в стандартную ведомость название культур и выполненных работ, их объем, фамилию, имя и отчество колхозника, число выходов на работу, количество проработанных часов. Старший учетчик колхоза, получив из brigad ведомость, сшипает их и шифрует (все сведения должны быть выражены не в словах, а в цифрах). Вместо фамилии, имени и отчества колхозника

он записывает номер его личного счета, а вместо названия культуры — ее условный номер. Вот, собственно, и все, что требуется от колхозной бухгалтерии.

Теперь зашифрованная ведомость поступает на МСС — в царство счетных автоматов. Здесь, в счетно-перфорационном цехе, эти данные переносятся на специальную, так называемую, перфорационную карточку. Затем карточка поступает в счетно-аналитический цех, где проходит через табулятор, — может быть, самую умную из всех этих машин. Табулятор выводит итог и печатает его на бумажной ленте — табуляграамме.

Отрежьте от ленты табуляграаммы полоску, влейте ее в трудовую книжку колхозника, и у вас готовы все необходимые сведения о его работе.

Кроме заполнения трудовых книжек, МСС готовят для колхозов квартальную и месячные ведомости — табуляграаммы: одни из них заменяют «Книгу учета трудодней»; другие выдаются в пrävalenii, и каждый колхозник может узнать, сколько трудодней начислено ему за месяц и с начала года; третий вид месячных ведомостей показывает затраты трудодней по тем или иным культурам.

Небольшой коллектив опытной машино-счетной станции — здесь работает всего 14 человек — продолжает поиски более простых и рациональных методов учета в колхозах.

К. ГРИГОРЬЕВ
Киево-Святошинский район,
Киевской области.

На снимке: в счетно-перфорационном цехе МСС.
Фото Я. Павлоцкого

КАКИЕ новые фильмы увидят советские зрители в июле? На этот вопрос отвечают сообщения наших корреспондентов, побывавших в кинопрокатных организациях и на киностудиях.

ТРИ НОВЫЕ КАРТИНЫ

Июль будет небогат новыми советскими фильмами. На экранах мы увидим три картины.

Советским читателям хорошо известен роман Константина Фединя «Первые радости». Герои этого романа — юный Кирилл Извеков и его учитель Гагарин. Этот роман стал главным героем одноименного цветного художественного фильма, выпущенного киностудией «Мосфильм». В роли К. Извекова снимается артист В. Коршунов, а роль Гагарина — Елена Грибова. Картина «Первые радости» (сценарий А. Каплера, режиссер В. Басов) выйдет на экран в первой декаде июля. Фильм дебютирует на казахский, таджикский, грузинский, армянский, азербайджанский, латышский, литовский и украинский языках.

«Киевская киностудия даст на экраны страны кинофильм «Есть такой парень» по роману А. Андреева «Широкое течение» (сценарий автора, режиссер В. Иченко). Этот фильм повествует о первых шагах юношей и девушек, которые после окончания средней школы пошли на работу в цехи крупного металлоизделия города.

В июле москвичи увидят еще одну картину производства «Мосфильма» — кинодокументальный фильм В. Катаева в постановке А. Тутышкина «Безумный день».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЛДАТИТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (3577)

Четверг, 28 июня 1956 г.

Цена 40 коп.

М. ПРИШВИН

Дорога к другу

Чувство современности — моему, каждому настоящему таланту содержит в себе чувство современности, и как птица на перелете верно направляется в огромном пространстве с Новой земли в Центральную Африку, так и писатель движется во времени точно, как птица в пространстве, и нет писателя вне современности, хотя бы он писал о египетских пирамидах или о листке осины, трепещущем на своем стебельке.

И вот, когда перелистываешь страницы дневников, и вдруг задерживаешься, и хочешь сделать из какой-то страницы рассказ, то в выборе материала решает это чувство современности. (1951 г.).

Разве перелетная птица, направляясь с севера в Африку, пользуется счетом и мерой пути к карте? Так и писатель в самом таланте своем хранит чувство современности. Не знаю, как сейчас в науке, найден ли в организме птицы орган, помогающий птице определяться в полете. Я оставил науку в то время, когда еще механизм этого в птице не был открыт.

Но речь идет у нас не о птице, а о человеке, художнике слова: нельзя ли художнику слова разобраться в себе и отвечать на вопрос нам: как он определяется во времени, чтобы в своем полете спуститься именно туда, где ждут его современники? Другими словами: можно ли художнику, разбираясь в своем творчестве, прощупать свойственный ему орган чувства современности? Или вопрос этот, как птица ложится у птицы крылья, и она летит в Африку, у художника талант, и он через это становится современным.

И даже больше: во всяком настоящем таланте содержится неведомый нам орган самоопределения художника в современности. (1951 г.).

...Чувство современности, как я его понимаю, в повседневной практике указывает на что-то самое главное, возле чего ходят души. В этом чувстве встречается и определенное нужное место для всей его музыкального смысла. Очень похоже, как если бы душа была раскрытым цветком, и современное слово, как мушка, садилось на край цветка, и она летит в Африку, у художника талант, и он через это становится современным.

Я даже больше: во всяком настоящем таланте содержится неведомый нам орган самоопределения художника в современности. (1951 г.).

Теперь зашифрованная ведомость поступает на МСС — в царство счетных автоматов. Здесь, в счетно-перфорационном цехе, эти данные переносятся на специальную, так называемую, перфорационную карточку. Затем карточка поступает в счетно-аналитический цех, где проходит через табулятор, — может быть, самую умную из всех этих машин. Табулятор выводит итог и печатает его на бумажной ленте — табуляграамме.

Я так представляю себе орган, определяющий писателя в отношении современности.

Будет ли когда-нибудь этот орган открыть, и нужно ли его открывать? Современность является после длительного упражнения в душе художника ощущением, как ощущим воздухом бегущему на лыжах, как вода сквозному греблю, как лес — отхотину.

Можно ли что-нибудь написать прочное вне современности? (1951 г.).

Я утверждаю в современности не по башенным часам, а в том, как в эту близкую текущую минуту ча-

сов вкладывается моя собственная живая душа. Часы — это счет, дневник — моя личная жизнь в отношении к современному.

После, когда из нас, живых современных людей, никого не будет, историк наша жизнь разложит и будет нас, мертвых, судить по дням и часам (хронология). Но их мертвые люди не будут современными.

Живой человек отличается от мертвого тем, что он, как живой, непременно единственный, и другого такого точно нет и не может быть на земле.

Образ есть слово отличия, есть голос единственного. (1951 г.).

На людей смотрю и думаю, что они идут за временем и пройдут вместе со всем, что временно. Люди современные — это те, кто господствует над временем.

Так, например, Шекспир гораздо современнее нам, чем Н., до того следящий за временем, что вчера он высказался положительно за письма без конфликтов, а сегодня услыхал что-то и пишет за конфликт. (1952 г.).

Близкий друг — надо беречься пользоваться философическими понятиями и держаться языка, которым перешеваемся с всеми близкими другом, помня всегда, что этим языком мы можем сказать больше, чем тысячи лет пробовали сказать что-то философы и не сказали.

В жизни кроме меня действует другой человек, и путь в этому другу и есть наш жизненный путь. (1951 г.).

Бывает так, что пишешь о чем-нибудь, представляешь себе, что это пишется к другу. И пусть он, этот друг, приходит к вам. Вы, конечно, не пишете: друг здесь, — вы ему все говорите, — больше! — вы говорили: и друг ваш — одно. И что же? Тут бы и кончались творчеству, а оно не кончается, напротив, соединенные в одно существо, вы двоем, как единый человек, опять одинаково пишете другого...

Есть люди, у кого много детей было, и они все хотят их рождать еще и еще. Так мы хотим друга, такого большого, чтобы он обнял свою всю природу, всю жизнь.

Не надо искать опору себе в людях отдельных: друг живет не в отдельностях, а в целом человека, когда он, собираясь, слышит живое слово и кричит, и хлопает руками от радости, или когда-то и где-то шепнул вам задушевное слово, или выглядел глазом из толпы.

Или вот против вас там в вагоне сидит иглядит куда-то вдаль с какой-то мыслью, а солнечко с той стороны лица раззолочило кудри, и одни реснички того глаза тоже светятся вместе с кудрями.

Надо писать дневник так, чтобы личное являлось на фоне великого исторического события, в этом и есть интерес мемуаров.

А события исторические есть всегда...

если же нет сейчас видимого, то нужно

найти не видимого. (1952 г.).

Когда я стал заниматься писанием, то самое лучшее на первых шагах мне было в том, что явилась жизнь вследу: где я, там и жизнь. Так вот и надо писать дневники, чтобы это чувство жизненной вследности и, может быть, некоторой своей личной власти над этим и удовлетворение тем, что мы называем дневником. (1951 г.).

Надо писать дневник так, чтобы личное являлось на фоне великого исторического события, в этом и есть интерес мемуаров.

А события исторические есть всегда...

если же нет сейчас видимого, то нужно

найти не видимого. (1952 г.).

Была бы я, если бы я, там и жизнь...

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горького.

Следующий текст взят из статьи Т. Н. Хренникова о дневнике М. Горь

КУБАНЬ — край больших масштабов. Поля здесь необычны, техники первоклассной множества, урожай высокий.

Что ни колхоз, то милиционер. Иная станица по числу жителей город за поле затянет. Люди живут тут широко, работают весело. Словом, Кубань есть Кубань и в рекомендациях особых не нуждается.

С недавних пор в печати, в публичных выступлениях кубанские товарищи стали приводить вместе с показателями роста материального благосостояния цифры, характеризующие рост сельской интелигенции: у нас в любой станице сотни людей с высшим и средним образованием! Действительно, это так, есть возможность блеснуть эффектной цифрой. Растут нации люди, деревня насыщается образованными специалистами, школы и вузы дают семью культурных кадров. Так, в станице Медведевской, Тимашевского района — ее считают здесь средней кубанской станицей — одних учителей человек полтораста, да еще немало врачей, агрономов, инженеров.

И вот так повелось, что в тех же статьях и речах впечатительные показатели роста сельской интелигенции сопровождаются обычно другими цифрами, демонстрирующими рост культурных учреждений на селе. В той же Медведевской... четыре клуба. Что ж, если братать количественную сторону дела, то цифра эта вполне облагороденная; если же поглядеть внимательней, картина получится иная. Тут-то и начинаются контрасты.

Не единым хлебом...

Расширились, распахнулись горизонты станицы. В красном уголке на свиной ферме демонстрируется мексиканский фильм; молодые дядки распевают задорную чешскую песенку; по станичным улицам шагают члены польской делегации, а бригадир тракторной бригады № 17 Зайцев — «напа хлопец с Медведевки» — сейчас в Бате, опять делится.

В станице Медведевской — несколько библиотек, несколько передвижек и книжных фондов солидных. А самое главное — много книголюбов: быстро разбираются новинки, охотно подписываются на соревнования сочинений классиков.

Читают в станице много, радио слушают, иногда в кино сходят. Однако этим почти ограничивается «кассорентмейт» культуры жизни. Но ведь запросы расходятся с ростом людей, и люди не хотят довольствоваться минимумом.

В Медведевской — четыре клуба, и все они плохонькие. Учителницы средних лет сказала мне: «В клуб не хожу, там серьезных людей не бывает...». Что это — заносчивость, нелюдимость? Думаю, что нет. Скорее всего, закономерный протест против вечных танцузек.

Действительно, зачем пойдет серьезный человек, скажем, в Медведевской сельский клуб? В шахматы сыграт? Там этого не водится. Лекцию послушать? Этого не бывает. Просто посидеть вечерком, разло послушать, побалакать со знакомыми? Но клубная обстановка отнюдь ко всему этому не располагает. Пол в клубе глиняный, здание убогонькое. Когда в клубе собирается сессия сельсовета, стол и стулья волокут из нарсуда, что наискосок...

У колхозов есть свои клубы (тоже очень неважные), а вот этот — «центральный» — предназначен для станичной интелигенции...

Но предположим, что его удастся отремонтировать, привести в относительный порядок. Это будет только часть дела. Предстоит привлечь, заинтересовать станичных врачей и агрономов, учителей и инженеров. Улечь их. Из разговоров с учителем Николаем Сахно, библиотекарем Марии Бороденко, ее мужем, саундом средней школы, учителей Антониной Колюжной и другими интеллигентами Медведевской я почувствовал, что люди ждут этого.

Слов нет, лучше стали жить учитель, врач, агроном в станице, но ведь не единственный хлеб жив человек, а пшеница духовная поступает уж очень малыми дозами... И многие станичные интеллигенты замкнулись в собственную скорупу. Между тем подавляющее большинство из них — товарищи с общественной жизнью.

Но надо их расшевелить, объединить. Разжечь сердца, побороть инерцию («А уж лучше домой пойду, на городке надо покопаться, да и тетрадок книга...»), преодолеть смущение («Бакай из меня, товарищ, оратор, вот в классе, с ребятами, там другое дело...»), словом, поднять общественную активность людей.

Считается, что заниматься этим должен сельсовет.

Председатель сельсовета Лёзова по-видимому не пришлось — он хворал, а с его заместителем Евдокимовым мы познакомились. Высокий небритый мужчина весьма равнодушно отвечал на расспросы: — Средства нету. Ассигнования не спущены. По инструкции на ремонт библиотеки и клуба денег не положено.

А у самого глаза тусклые-тусклые. И чувствуется, ничуть все это не трогает человека: было бы отпущенено на положено, Евдокимову только лишняя морока. Впечатление такое, что в культурном отношении он значительно отстал от своих избирателей, ничего ему не надо... Но почему мириться с этим избирателями? Очевидно, смыкались. Скверная штука — привычка такого рода...

Конечно, отсюда, из сельсоветского дома, «книжка» тянется в район. Ни с Лёзовой, ни с Евдокимовым за культуру всерьез ни разу не спросили. А краевые организации не спрашивали с районных руководителей, довольствовались «благополучными» цифрами.

Следует упрекнуть райком партии: слишком уж своеобразно относятся ее работники к станичной интелигенции: никто не помнит, чтобы собирали товарищей — не для очередной «накачки», а так, для душевного разговора; ни разу не сделали даже попытки вникнуть в духовные нужды людей, выявить их настроения и запросы. Голубая райкомовая «Победа», выдавший виши «ГАЗ-69» часто проезжают мимо медведевских школ, мимо больниц и библиотеки. Проезжают мимо, не останавливаются.

В Медведевской расположена опорно-показательная ордена Трудового Красного Знамени МТС. Но впечатление такое, что

Павел ПОДЛЯШУК,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Станичные контрасты

снятыми фамилиями таких «длителей искусств», которые колесят по Кубани. Что поделаешь — спрос велики, а предложение почесть отсутствует.

Кубанские колхозы не жалеют средств на оплату квалифицированных адвокатов и юристов. Но в том же колхозе имени Дмитрова, где «музрук полули 1 300», заведующий клубом получает 360... Он — не на колхозном, а на районном бюджете. Кого заинтересует столь мизерный оклад?

И все же никак нельзя согласиться с Н. Четуновой, которая в своей недавней статье (см. «Литературную газету» от 5 июня) — статье, в других своих положениях правильной и интересной, — предлашает вовсе отказаться от штатного заведующего сельским клубом. Почему? Лишь потому, что «измельчен» клубный народ?.. Но ведь это совсем неeson. Гораздо вернее — серьезно заняться укреплением этих кадров, влить в них среду молодых сильных, разумеется, создать для них более сносные условия.

Есть отличный резерв — из армии приходит в кубанские станицы офицеры, сержанты, народ грамотный, активный. На то их подготовят на краевых курсах, например, с помощью колхозов заниматься материально.

Я написал эту последнюю фразу и подумал: а не слишком ли мы узко, по старинке, подходим к самому определению понятия: «сельская интелигенция»? Причисляем к ней только специалистов, супли лишь по образовательному цензу.

Интелигент — в прямом переводе с латыни — означает «понимающий». Ну, а Лукин, свинья, окончившая девять классов, активную комсомолку и хорошую производственную, заведующую библиотечной-переводкой, как к какой категории следует отнести? Или Степан Прокофьевич Стеценко, учтника на свиноварне? Вот стоит он у котла, где запариваются корма, в синем кителе с орденской лентой. Капитан 3-го ранга, двадцать три года прослуживший на флоте, а теперь демобилизованный, Стеценко приехал сюда, на родину-жену.

Таких, как Рукин в Стеценко, сейчас много на фермах и в бригадах медведевских колхозов. Совершенно закономерно, что эти люди хотят жить не только в достатке, но и культурно. И это не может не сказаться на их трудах, которые сегодня станица предъявляет к культурной работе.

Разного рода «казусы»

Как же отвечают на эти требования? База для ведения культурной работы сейчас очень слаба. По перспективному плану районного отдела культуры намечено на станице Медведевской Дом культуры построить в 1959 году и в том же году — летнюю киноплощадку. Долго ли ждать. А без нового клуба невозможно — и за строительство взялись колхозы.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Я сидел позади заведующего фермой Набокова и видел, как поблаговела его жена, когда участник агитбригады пропел куплет о «покойнике-телефоне». (Было вчера такое «чапа» на ферме, пад теленок, и не без вины кой-кого из сидящих здесь на концерте...) Зал сперва притих — вот, черти, уже узнали! — а потом разразился такими рукоплесканиями, какими, полагаю, не всегда вознаграждаются супли прославленных артистов. А со сцены уже глядят в «подзорную трубу», замечая на ферме то, что скрыто от неворуженного глаза. И хотя текст и мастерство исполнителей далеки от совершенства, материал был точно в цель и отлично воспринимается.

Сперва заподиум проект со скрипкой.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Сперва заподиум проект со скрипкой.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

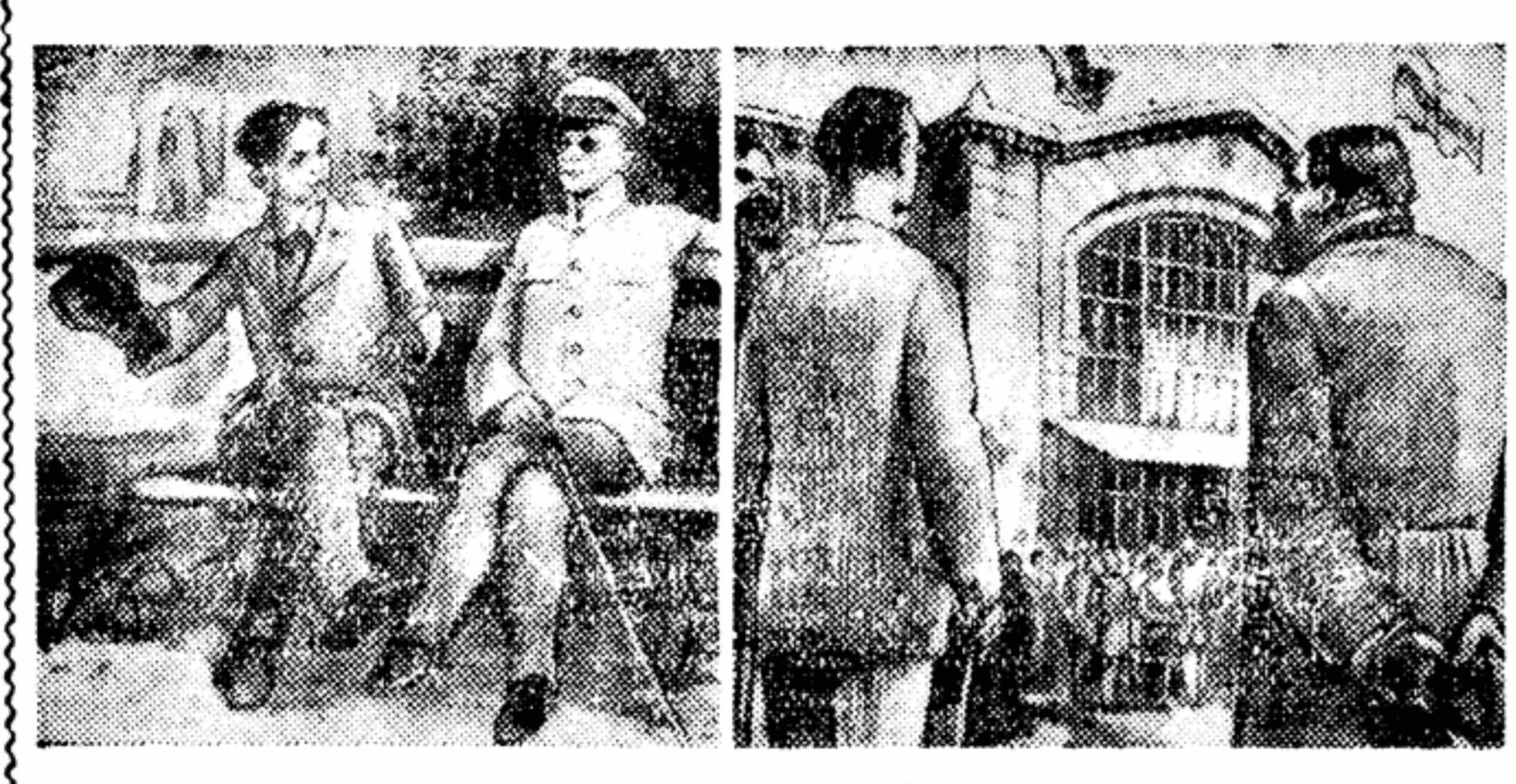
Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак, задумали в колхозе имени Молотова строить клуб. Место отвели, деньги выделили, техника пригласили; строительная бригада наготове, даже материала стояла. Задача — касалась «местной тематики», когда со сцены «предрекали» нарашивавших работников.

Итак

Государственное издательство художественной литературы готовит к печати новое издание книги Максима Горького «Жизнь Климова Самгина» с иллюстрациями художника П. Алякринского. На снимке: иллюстрации из книги.

Приветствие П. Замойскому

В связи с шестидесятилетием Петра Ивановича Замойского президиум Московской писательской организации обратился к нему с приветствием, в котором отмечает, что уже рассказ «Барская погода» свидетельствует о появлении обширного, великолепно знающего жизнь крестьянства писателя.

Произведения П. Замойского и особенно его роман «Лапти» получили у советского читателя широкую известность. «Более четверти века», — говорится в приветствии, — отделяет нас от первого издания романа «Лапти», но и теперь, в середине пятидесятых годов, с интересом читается это крупное произведение среодневольской деревни в период развертывания колхозизации и ликвидации кулачества как класса. Все это написано искренне, талантливо, с большим знанием народной жизни».

Приветствие заканчивается пожеланием писателю плодотворной творческой работы.

ДОРОГОЙ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

Д. НИКОЛАЕВ

60 лет известному советскому писателю Петру Ивановичу Замойскому.

Путь П. Замойского к революционной правде был не легок, но прям. Сама жизнь тяжела, беспрসветная жизнь деревенского парня из семи бедняков — привела его в лагерь революционеров, в ряды партии большевиков.

Твердо встав на позиции ленинской правды, уверясь в правильность той дороги, на которую звали крестьянство коммунисты, П. Замойский не только практически борется за эту правду, но и стремится ей рассказать. Жизнь и борьба в деревне в историческом 1917 году, партийная и советская работа в уезде в первые послереволюционные годы переполнили его впечатлениями, опытом. Замойский хочет поделиться пережитым, увиденным, познанным, он пишет статьи, очерки, рассказы. В 1924 году выходит первый сборник его рассказов. С этих пор начинается его путь в литературе, тоже нелегкий путь к правде художественной.

В своих рассказах, очерках и повестях он обращается к жизни быта старой, деревенской деревни. Он описывает тяжесть крестьянского существования до революции, дикие нравы, беспрসветную нужду, изображает многочисленные факты проникновения нового деревенского и в то же время разоблачает живущую обломком старого быта, косных обычаяев, ледовских привычек. Он пишет о том, что на самом деле было, пишет без прикрас, без умолчаний; в основе его произведений лежат подлинные, действительные факты и события (не случайно первую свою книжку он называл «Деревенской балль»).

С самого начала своей литературной деятельности писатель стремится к правде, к реализму. Но правильность ранних произведений П. Замойского еще весьма ограничена: это во многих случаях правдивость «сырых» фактов, а не обобщения. В одной из своих статей М. Горький писал: «Факт — еще не вся правда, он — только сырье, из которого следует вырабатывать, извлекать настоящую правду искусства... Нужно научиться выщипывать несущественное оперение факта, нужно уметь извлекать из факта смысл». В 20-е годы Замойский еще очень неумело извлекал настоящую правду искусства из имеющегося у него богатого «сырья». Многие его рассказы этих лет не содержат сколько-нибудь существенного художественного обобщения, носят оттенок националистического копирования жизни. Бедным был в то время и запас художественных средств писателя: герои его произведений были нарисованы зачастую слишком примитивно, одной краской. И тем не менее рассказы и повести П. Замойского, сильные своей жизненной достоверностью, завоевали внимание читателя. В конце 20-х годов критика уже считала его творчески наиболее выявившимся среди «деревенских» писателей, хотя и отмечала, что написанное им до сих пор еще не отличается ни достаточной широтой замысла, ни законченным мастерством выполнения. Своебразным ответом на такого рода «упреки» было появление романа «Лапти».

«Лапти» — важный этап в творчестве П. Замойского. Зависим большого романа о коллективизации деревни поставил перед писателем трудную задачу обобщения имеющегося у него громадного материала. Для того, чтобы написать широкую картину социалистических преобразований на селе, правильно показать расстановку классовых сил, необходимо было строго отобрать наиболее типичные явления и факты, отбросить все несущественное, случайное; необходимо было из правды многочисленных отдельных фактов извлечь единую художественную правду.

П. Замойский работал долго, упорно (первая книга — «Семья» — вышла в 1929 г., вторая — «Левин Дол» — в 1930 г., третья — «Поворот» — в 1932 г., четвертая — «Столбовая дорога» — в 1936 г.). Окончание романа знаменовало собой серьезную творческую победу писателя: Замойский сумел наглядно и убедительно воссоздать ту упорную, повседневную

борьбу, которая развернулась в деревне в конце 20-х — начале 30-х годов. Писатель удалось добиться значительной силы художественного обобщения, на много повысить свое мастерство. Наиболее сложен он оказался в изображении массовых и бытовых сцен, в диалоге. Диалог у П. Замойского — естественный, напряженный, выразительный, с образным крестьянским словцом.

Существенным же недостатком романа явилось слабое раскрытие психологии людей, их внутреннего мира. Автор намечает много интересных, своеобразных характеров, изображает действия, поступки людей, но почти совершенно не заглядывает в них в душу, то есть не развивает характеры, не углубляет их.

Несмотря на этот и некоторые другие недостатки, роман П. Замойского «Лапти» занял видное место в советской литературе о деревне.

После окончания романа писатель обращается к недавнему прошлому, к событиям своей жизни. Еще в 1932 году в небольшой заметке «О себе» П. Замойский изложил основные факты своей биографии. И вот теперь он решает осмысливать эти факты художественно, средствами искусства; он создает автобиографические повести — «Подпасок» (1939 г.) и «Молодость» (1946 г.). Впрочем, автобиографическими их можно называть весьма условно, так как писатель не ставил своей целью подробно и последовательно описать собственную жизнь. Его задача шире: важнее. Революция в деревне — вот тема повестей. В «Подпаске» изображается революция 1905—1907 гг., в «Молодости» — революционные события 1917 года.

«Подпасок» и «Молодость» спровоцированы считаются лучшим из всего созданного П. Замойского. Выше уже говорилось, что наиболее сильной стороной дарования писателя является изображение массовых и бытовых сцен, живой диалог. Именно эти свои качества, а также способность в совершенстве изображать сцены повседневной жизни, дают писателю значительную роль в совершающихся исторических событиях. Замойский счастливо избежал этой опасности. Его Петка — живой, смешливый, искрометный парнишка, успевающий многое увидеть, узнать, кое в чем даже помочь взрослым, но всегда оказывающийся на «своем месте», всегда естественный (за исключением конца повести, когда он начинает принимать несколько резонерски поучавший вид).

Писатель изображает деревенские волнения 1905 года, прядильно, со всеми присущими им драматизмом. Трагично кончается первая из повестей. Восстание крестьян разгромлено. Но события, развернувшиеся в селе, не прошли бесследно. Они посыпали зерна, которые взойдут...

И вот мы в том же селе через 10 лет (повесть «Молодость»). Идет первая мировая война. Петр Наземов, раненый в руку, возвращается домой. Возвращаются и еще некоторые фронтовики, те, кого мы раньше знали мальчишками. Война, тяжелая окопная жизнь, общение с рабочими, революционерами многим научили их. Писатель убедительно изображает ту борьбу, которая вновь вспыхивает в деревне в первой Февральской и Октябрьской революции, борьбу, вспыхнувшую установлением советской власти в уезде.

В «Подпаске» и «Молодости» писатель достиг той художественной правды, к которой настойчиво стремился. И если в его ранних книжках было немало «сырых» фактов, если в романе «Лапти» (даже после плодотворной переработки, которую писатель предпринял для юбилейной «Библиотеки лабораторий советской литературы») встречаются проходные, невесомые сцены и героя, то в этих повестях продумано все до мелочей, строго отобрано наиболее значительное, наиболее важное, до конца «выщипано» то несущественное, что не помогает выявить основной идеи.

Сохраняя интонации живой народной речи, писатель вместе с тем окончательно обосновался на языке, который ранее намного снижал качество его произведения.

Хочется надеяться, что П. Замойский не остановится на достигнутом, создаст новые значительные произведения о нашей деревне. Читатель ждет их.

Стихи И. Фефера

Я познакомился с моим тогда еще будущим другом в самом начале двадцатых годов. Это было очень интересное время и в жизни и в поэзии. Свежие, сильные ростки советской литературы бурно пробивались из почвы народной, быстро разрастались и вовсю шелестели своей неугомонной листвой. В забордаженном Октябрем молодежь меньше чем на мировом революции не соглашалась. И я не соглашался. И еще более упорно не соглашался Илья Фефер.

Если обратиться к нашей поэзии того времени, то мы увидим, что молодые поэты не только считали дело мировой коммуны почти завершенным, но и поглядывали на соседние планеты для установления на них более совершенного и справедливого строя. Одним из самых темпераментных и мужественных вожаков этой поэтической молодежи был Илья Фефер.

Мы — я и друзья мои (ныне покойные) поэты Михаил Голодный и Александр Ясный — познакомились в Харькове, в общежитии ЦК КП(б). И тогда он, пусть и немногим старше нас, был уже боевым большевиком.

Шли годы. Мы все меньше кричали и все больше думали. Со временем все шире раскрывались творческие возможности нашего друга.

Он оставил соседние планеты в покое и обратился к соседу — человеку. И он сумел заговорить с ним языком настоящей большой поэзии. Читая его стихи и видя, сколько мягкости и любви сумел оннести к людям! И вместе с тем его боевой темперамент нисколько не ослабевал. Читатель убедится в этом, прочтя хотя бы несколько стихотворений поэта, опубликованных здесь в переводе с еврейского.

Мое поколение по самому возрасту своему вступило в первый путь. Но нестареющая память о любимом поэте и друге, постоянно в наших привязанностях — дорогое приобретение.

Михаил СВЕТЛОВ

НЕБО РОДИНЫ

Небо родины!

Я вижу:
В серебристых колесницах
Мчат гиганты летних ливней,
— Освежают нашу землю,
Урожай наш предвещая, —
На орлах, чьи крылья — плая.
Молнии летят на праздник
Величавых летних ливней,
Барabanщики в небе
Ходят громы — медь с латунью,
Чтоб услышали в Толедо,
В Порту-Рико, Сан-Доминго,
Что за громы, что за громы
Здесь у нас под небесами!
Если молнии сверкают
На высоком нашем небе, —
Это видно в Гималаях,
И в Австралии заметно,
И среди снегов Аляски.

Небо родины!

Я знаю:
Если светят наши звезды,
То в смузене мертвят звезды,
Над пространствами чужими,
Потому что эти звезды
Не дано снять, как нашим,
Нашим звездам в нашем небе —
Небо родины!

Великой!

Небо, небо! В нашем сердце
Жаждет твоего рассвета,
И в «одеждах» вечера,
И величественный ветер,
Свежесть юных этих весян,
И нежнейший пламень лета,
И осенний закат
Ароматной усталости.
Даже если ветер ночью
В колыбели черной тучи
Укачал твои травы
И на облачных подушках:
Чуть не все уснули звезды, —
Все ж звезды на нашем небе,
Как лягушки, пламенеют, —
Не найти звезду такую
Под чужими небесами!
И когда во мраке тонут
Плыть шестых небесной тверди,
Без звезд нас не оставят
Небо родины
Великой!

Перевод Л. Мартынова

РОДНОЕ ГНЕЗДО

Твое сердце — родное гнездо

для меня,
Где укрыться могу от ветров и огня,
Где могу отдохнуть,
Где могу отточить я копье,
Где бродят мои
Еще не рожденное слово,
Пред тем, как отправиться в путь, —
На битву готов!

Перевод В. Казиня

БЕРЕЗОВАЯ СЕМЕЙКА

Только вспомни я семью эту
У шапольской речки, — предо мною
Вспыхнет детство, и, как ночью

Вновь меня потянет в край родной,
К ней, к бересковой семье милой,
К ней, туда, где счастье пронеслось,
Где от мяты сладко дух щемило,
Где стоят они, берески, врозь,
Только с виду — врозь; родные
дружиной
Все стоят они — и стар и млад.

И соседки первяньи хотят
Их искусство жить; и лес окружный С зависью на них уставил взгляды...
Мать с отцом стоят рядом, часами
Всё шумят, волнуясь без причин.
И в зеленой щегольской панаме
Впереди стоят их старый сын.
Вон и дядя — странная натура —
Головой кивает племяшам.

И кричит (не смешно ли нам?),

Как взарапшило шевелюрой,
Реденькой своей листкой. А там, Там —
Дочурки, тонкие фигуры,
Словно только что сошли с картины
И, не зная, что пойдут на чурки,
Кланяются с видом блаженства.

Зиянут в белых фартучках девчата —
Ветер с них наряд ветвь сорвал.

Их отец высок, он в два обхвата,

Семь бород и всеми он трясет,
Он такой, что не страшится бури.

Самый страшный враг его — пила.

Лиши блеск, он уз полон хмури:

Не за них ли это смерти пришел?

Смотрят мать на всех детей и ради:

Плюют не чай они, а звонки дожди.

Их оглажда бабка, как надо,

Да никак вот к мим не подойдешь.

Только вспомни я семью эту
У шапольской речки, — предо мною
Вспыхнет детство, и, как ночью

Вновь меня потянет в край родной,

Перевод Б. Казиня

ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

Заходит солнце за стогами,
Уходит день.
В твоих глазах играет пламя:
Уходит день!

На сад спускаются туманы,
Уходит день.

В закате блони багряны, —
Уходит день.

Реки тускнеют позолота,
Уходит день.

Стучится вечер к нам в ворота, —
Уходит день.

В пастых коврах,
Где алмазы, как звезды,

Сия, пылают в огнях.

Но когда, им напевы слагая,
Вспоминал я тебя, дорогая,

Понимал я, что, душа губа,
Обираю и граблю себя.

И где б ни был, везде

Я отрывал прак

И стремился к тебе —
К чистоте,

Что в твоем обитает гнезде,

Где Я знаю, что я не в гостях!

Перевод П. Карабана

Дорис ЛЕССИНГ.
английская писательница

К ЮГУ ОТ САХАРЫ

Английская писательница Дорис Лессинг — член писательского союза «Запад мира», прожившая в Африке сорок лет. Ее роман «Африка» (1950) и сборник рассказов «Некогда я была страна старого мира» (1951) посвящены жизни африканских народов. В настоящее время писательница работает над серией романов под названием «Дети насилия». Африка — это ее родина. Сегодня мы начинаем печатать корреспонденции Дорис Лессинг об этой поездке.

Публикуму рисунок принадлежит известному английскому художнику Полю Хогарту.

1. Полет над Африкой

...Лететь над Африкой — значит видеть ее такой, какой она есть, — пусть континентом. Лететь по прямой линии на юг, на протяжении сотен миль видишь только леса, горы и озера, огромные пространства холмистой, заросшей травой и усыпанной лесом земли. Самолет, как крохотная мишень, летит над Африкой, похожей на спящего на солнце черногриного льва.

Через каждые четыре-пять часов привозимся в городах: Каир, Хартум, Энгебе, Найроби. В Найроби начинается «бэлла» Африки. В Кении диктор самолета, объявлявший места, интересные для туристов, сказал: «Посмотрите направо, перед вами Абердерский лес. Теперь вам ясно, почему у нас ушло столько времени, чтобы очистить эти места от Мау-мау. Только что опять ливши импульсную влагу. Видели изумором. Прокантились шесть недель». Это было сказано весьма развязно и небрежно. В самолете летели два африканца, державшиеся особняком (это был южноафриканский самолет, и поэтому члены на местах должны были потом подвергнуться специальной санобработке), но диктор обращался к нам; это была «белая» Африка, где можно говорить об охоте на черных людей, словно речь идет о стацеарах.

В аэропорту в Найроби два вида умывальных — на одной вывеске: «Уборная европейского типа», на другой: «Уборная неевропейского типа». Еще недавно они назывались: «Только для европейцев» и «Только для неевропейцев». Слово «типа» как бы намекает на то, что «неевропейцы» предпочитают пользоваться «своей», особой умывальной. «Цветной барьер» в «белой» Африке приобрел оборонительный характер.

Белые перешли к обороне: их так мало. В Южно-Африканском Союзе белые, свыше двух миллионов — это более половины населения всей Африки — и десять миллионов африканцев, индийцев и «цветных» (в этой части мира слово «цветной» означает человека смешанной крови). В Центральной Африке, территория которой больше всей Северной Европы, проживает двести тысяч «европейцев» («европеицами» называются лица, имеющие белую кожу, а в Южной Родезии, по неизвестным причинам, сюда же относятся китайцы) и семь миллионов людей с темной кожей.

Пустой континент... Неразвязый, но очень богатый. Летя над ним, видишь его целиком; искусственные перегородки, случайные последствия белого завоевания, исчезают. Когда-нибудь Африка снова станет единой; и мысленно вижу, как она наполняется высокими, гордыми, изысканными свет городами — городами, которые должны расти ввысь, в себя. Маленькие пригородные виллы, созданные «белой цивилизацией», в которых выражен весь ее узкий провинциальный дух, — это оскорбление для такого неба, такого неизбранным горизонта. Я представляю себе, как расстилающиеся внизу обширные «пустые пространства», поросшие травой, покроются ранчо, наполнятся народом. На реках вырастут плотины, озера умножатся, новые леса будут впитывать влагу; сухой континент не позволит больше, чтобы каждый сезон дождей смыкал в океан его богатую землю.

Здесь должно быть, самый прекрасный в мире климат. Почти круглый год над землей высокое ясное небо, без дождей; жар-

кие солнечные дни и прохладные звездные ночи. Здесь солнце регулирует жизнь разумеренных циклов, не так, как в Лондоне, где оно садится уже в 4 часа дня и в 11 туго только показывается из-за горизонта, бросая косые лучи сквозь белую занесу тумана.

Над равнинами Эфиопии был такой восход солнца, какого я не видела уже много лет. Большое прохладное чистое небо слегка освещалось над краем черных гор; красные и янтарные полосы взметнулись с востока; из ночного «мрака» стал возникать ландшафт. Внизу под нами на расстоянии нескольких тысяч футов скользила вода. Несколько секунд краснота собиралась, пульсировала; солнце, как тельце светящегося паука или как белая жемчужина, висело за краем гор; вдруг оно налилось, стало красным, перекатилось через горизонт и пошло по небу. Я знала, что в это время далеко внизу, как только трава медленно расправилась длинные стебли и висящие на них капли росы скользят и вспыхивают, уже засвучав птичий оркестр; что в деревнях из спрятанных за деревьями глиняных хижин африканские крестьяне с первыми лучами солнца уже отправились на пастбища скот или обрабатывать землю.

Эти деревни — древние племенные поселения Африки; но даже на большом расстоянии от городов они несут на себе отпечаток власти белых. Молодежь почти отсутствует. Большинство ее зарабатывает свой хлеб на фабриках и рудниках, принадлежащих белым. Деревни удалены от библиотек, газет, даже от радио. Современные идеи доходят сюда лишь с теми, кто возвращается домой после года или двух лет работы.

Даже в более индустриальной Южной Африке эмоциональные корни африканской жизни все еще остаются в деревне. От «цветного барьера», от полицейских, от законов о пропусках, от мушты в городах белых человек возвращается домой, в куче глиняных хижин среди деревьев, с стариками, женщинами и детьми. Он снова встает вместе с солнцем и ложится на землю, кроме вечеров, когда он танцует при лунном свете под звук барабана у костра. Почти во всем континенте африканцы все еще наполовину привязаны к племенным традициям, а наполовину превратились в продукт современной индустриализации. Но и той и другой среде они живут в той глубочайшей нищете, что жизнь их представляет собой постоянную борьбу за уделование минимальных потребностей.

Если бы хоть половина тех богатств, которые ежегодно выкапывают отсюда гигантские компании, расходовалась здесь же, как бы скоро все это изменилось! Ведь застойный ницанс существование дореволюционной деревни смогло быстро преобразиться Советским Союзом и в Китае... Если бы... но легко мечтать, сидя в самолете, охватив взглядом целую страну, подобно некоему божеству.

В Лусаке, столице Северной Родезии, наши два африканца сошли с самолета. Они студенты одного из английских университетов. Сейчас они должны вернуться в африканский город с расовым перегородкам, с полицейской властью и отчаянной нищетой. Здесь, на их родине, самый отсталый и невежественный белый может обращаться с ними, как с собаками.

В Лусаке признаком прогресса может служить такой факт, что некий белый оysters отель без ограничений для «цветных». Однако он просил африканцев, обсуждая систему, заставляющую там без некоторого представления о Южной Африке, я попыталась сначала дать картины политики «апартея» в действии.

ЛОНДОН, июнь

Я проблема в Южно-Африканском Союзе всего пытна минут. Как только я прибыла, мне сообщили, что въезд мне запрещен, и под надзором полиции я была доставлена обратно в самолет, на котором я прилетела. Это было очень нестроительно. У меня в Южно-Африканском Союзе много друзей, которым не разрешают выехать из страны, и, может быть, пройдут годы, пока я с ними увижуся. Так я и не смогла увидеть своими глазами, что там происходит, и должна полагаться на рассказы других.

В «Нью-Йорк Таймс» журналисты Льюис доказывали до причин, побудивших сверхдлительных чиновников отказаться от подготовленных ими самими культурных мероприятий, указывали: «Известно, что срока перед критикой в конгрессе сыграли важную роль». Иными словами, боязнь прогневить рассказчиков из конгресса оказалась сильнее даже, чем желание завоевать симпатии зарубежных ценителей искусства.

Отказ демонстрировать в других странах произведения американских художников из-за политических взглядов и симпатий представляется запоздалой отрыжкой безрассудного маккартизма.

манизма истинных друзей народа — революционеров.

Среди проблем, поставленных в этом романе, обращает на себя внимание проблема таланта и самоутверждения служения революции. Мы знаем по историко-революционным мемуарам (см., например, «Записки революционера» П. А. Кропоткина), как остро эта проблема стояла перед русской революционной интеллигенцией: или служение революции и пребрежение своих талантов или развитие таланта и отход от общественной деятельности; совмещение того и другого невозможно. И если в «Джеке Реймонде» проблема решается в пользу таланта, — вдохновленного польского революционера, — то в следующем произведении Э. Л. Войнич — «Оливия Лэтэм» (1904 г.) — эта проблема уже разрешена в пользу революции. Гениальный юноша Владимир Дамаров бросает занятия живописью и скульптурой и отдает свою жизнь революции. Тюрема, чахотка, скитания, снова тюрьма и смерть в крепости. Но, несмотря на то, что он хорошо знает, что его ожидает именно такая судьба, а не иная, он не уходит с этого пути.

Некоторые сцены в романе, рисующие жизнь русских революционеров, изображают издевательства полиции, написаны с такой претензией силой, с таким гневом и страстью, что их можно отнести к лучшим страницам революционной литературы. Что касается изображения жизни русских и польских эмигрантов в Англии, то, насколько нам известно, «Оливия Лэтэм» является единственным произведением художественной литературы, касающимся этих тем.

В 1910 году Э. Л. Войнич снова вернулась к своему первому герою: она написала роман «Прерванная дружба», в котором освещены годы скитания Овода в Южной Америке (у нас этот роман выходил под названием «Овод в изгнании»).

В 1944 году восьмидесятилетняя писательница закочинила роман «Сними обувь твою» — предках Овода. Пытаясь объяснить читателю необычайный способ раскрытия судьбы своего героя, Э. Л. Войнич в предисловии к своему последнему роману (он не переведен на русский язык) пишет:

«Хотя «Сними обувь твою» и является законченным произведением, он должен быть начальным для семейной хроники, охватывающей четыре поколения. Но цикл Джека обретает душевное равновесие с помощью польского революционера, погибшего на царской катаре. Джек становится врачем и отдает свои силы на служение народу — лечит детей городской белой.

Гневный, обличительный пафос писательницы, направленный против изощренной жестокости священников, ярко контрастирует с поэтическим прославлением высокого гу-

КРЕПИТЬ СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

700 писателей и литераторов, а также депутатов медиа.

Героические усилия советского народа в Великой Отечественной войне вызвали восхищение иранцев. Многие талантливые персидские писатели стали друзьями Советского Союза, посыпали своим произведениям борьбы Советской Армии против фашистской Германии. Среди них был крупнейший персидский писатель Садек Хедаят, написавший еще в дни Сталинградской битвы прекрасную оптимистическую сказку «Живая вода», в которой предсказывал победу над черными силами фашизма.

Знакомство с советской действительностью и советской литературой помогло писателю Бозорг Алави стать на путь борьбы за социальные преобразования в Иране.

Передовые идеи, реалистическая отражение жизни, непоколебимая воля к борьбе за лучшее будущее и гуманизм, присущие советской литературе, — все это привлекало внимание иранского читателя.

В укреплении литературных связей большую роль сыграло участие советских писателей А. С. Пушкина, написанного в 1829 году:

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!

Не бросай в бой кровавый
С карабашкою толстой.

Знаю, смерть тебя не встретит:

Азрил, среди мечей

Красоту твою заменит —

И пощада будет ей!

Но боюсь: среди сражений

Ты утратишь наследства

Скоромость робкую движений

Прелести неги исты!

Это стихотворение озаглавлено «Из Гафиза».

После Пушкина дань своего восхищения персидской поэзии отдали многие другие русские поэты. Отрывки из «Шах-наме» Фирдоуси — этого багрянчего эпического наследия иранского и таджикского народов — печатались в различных русских газетах еще в первой четверти XIX века. «Голестан» Саади дважды выходил в русском переводе в 1857 и 1882 годах.

В свою очередь иранские литераторы проявляют глубокий интерес к творчеству русских писателей, в частности к творчеству Л. Н. Толстого, — ряд его народных рассказов был переведен в 1908—1914 гг.; Н. В. Гоголя — в 1912 г. В Тегеране был переведен на персидский язык и поставлен на сцене «Ревизор»; А. М. Горького, рассказ которого «Часы» был переведен в 1911—1912 гг.

Значительное оживление литературных связей, полный интерес в Иране к русской литературе и в России к персидской наблюдалось в Тегеране в 1945 году. Писатели Али Аскер Хекмат, Мохаммед Арафшад, известный режиссер и актер Хейр-хах совершили большое путешествие по Советскому Союзу, побывали в Москве, Ленинграде, Ставрополе, Грузии.

И все же ни советские, ни иранские деятели культуры не могут быть этим удовлетворены. В Иране сейчас выходят значительно меньше переводов произведений русской классической и советской литературы и критических статей, чем в сороковые годы. Прекратилось издание журнала «Пехаме ноу» — органа Общества культурных связей Ирана с Советским Союзом. Советский читатель еще не получил на русском языке сборника стихов современных персидских поэтов, а вышедшие в 1955 году на персидском языке недостаточно всесторонне характеризуют состояние персидской прозы.

Вместе с тем в современной персидской литературе происходят весьма интересные процессы, заслуживающие внимания нашего читателя.

В персидской поэзии сейчас можно отметить самые разнообразные направления. Мы встречаем таких поэтов, как Мехди Хамиди, в лирике которого чувствуются глубокие философские размышления; Мехди Сохейли, давшего хорошие образы юмористических стихотворений, представляющих собой нечто иное для персидской литературы. Наконец, мы сталкиваемся с целой плеядой поэтов в лиге которого чувствуются вороты в сороковые годы. Прекратилось издание журнала «Пехаме ноу» — органа Общества культурных связей Ирана с Советским Союзом. Советский читатель еще не получил на русском языке сборника стихов современных персидских поэтов, а вышедшие в 1955 году на персидском языке недостаточно всесторонне характеризуют состояние персидской прозы.

Чтобы быть до конца объективными, мы со всей откровенностью должны заметить, что в тридцатые годы, особенно перед второй мировой войной, в советско-иранских отношениях имелись некоторые моменты, затруднявшие нашу культурную и литературную связь. Однако и этот период интерес советской общественности, как и багрянчего эпического наследия, остался неизменным. Достаточно сказать, что в 1935 году в Ленинграде проходил III международный конгресс по иранскому искусству и археологии, открытие которого было ознаменовано выступлением Э. Л. Войнич — «Оливия Лэтэм» (1904 г.) — эта проблема уже разрешена в пользу революции. Иными словами, боязнь прогневить рассказчиков из конгресса оказалась сильнее даже, чем желание завоевать симпатии зарубежных ценителей искусства.

В свою очередь, в Иране широко отмечались юбилеи Л. Н. Толстого в 1928 году, А. С. Пушкина — в 1937 году, дни памяти А. М. Горького — в 1936 году. На заседаниях, посвященных памяти А. М. Горького, присутствовало около

А. ШОЙТОВ

Годы и книги

Е. ТАРАТУТА

Нью-Йорке и полон дружеского расположения и любви к нашей стране.

Благодаря усилиям советских литераторов и писателей с Э. Л. Войнич теперь установлена теплая, дружеская связь.

Поистине удивительна, легендарна судьба этой писательницы.

Дочь английского профессора математики, молодая музыкантка, восхищенная мужеством и геройской борьбой русских народов, принесла в нашу семью, известным и безымянным, он помог сохранить в трудных минутах мужество, присущее духу.

Некоторые наши читатели вспоминают малозвестные произведения Э. Л. Войнич — ее романы «Джек Реймонд», «Оливия Лэтэм», «Прерванная дружба», «Сними обувь твою» — и выражают желание больше узнать о них.

Интерес к жизни писательницы и к судьбе ее произведений выражают ту любовь и уважение, которые питают советские читатели к создателю одного из своих любимых героев. Понимая и разделяя их чувства, мы публикуем сегодня статью Е. Тарапут